

Александр Амфитеатров

МАРЬЯ ЛУСЬЕВА

RUGRAM

Москва 2022

УДК 82-311.6

ББК 84(2)

А63

Амфитеатров, А.

А63 Марья Лусьева / А. Амфитеатров. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 418 с. — (Русский приключенческий роман).

ISBN 978-5-521-89961-6

В полицейский участок приходит молодая дама и требует, чтобы ей выдали желтый билет, выдававшийся в царской России проституткам взамен паспорта. Официальное название — заменительный билет. Желтый билет давал женщине право легально заниматься проституцией, работая в борделе. Старший полицейский чиновник приходит в недоумение, ведь буквально вчера он встречал эту особу в обществе пожилой баронессы Ландио в благородной компании. Молодая женщина представляется Марией Лусьевой и рассказывает историю своей жизни.

УДК 82-311.6

ББК 84(2)

BIC FC

BISAC FIC000000

© «RUGRAM», 2022

© Компьютерная вёрстка, Судаков К. А.

© Подготовка текста, оформление,

Издатель Иванов В. Ю., 2022

ISBN 978-5-521-89961-6

МАРЬЯ ЛУСЬЕВА

ОТ АВТОРА

В настоящем издании «Марья Лусьева» выходит значительно дополненной, — почти вдвое обширнее — прежних. В роман введен ряд эпизодов и сцен, ранее не включавшихся по соображениям цензурным или персональным. Так, для читателей, знакомых с прежними изданиями «Марьи Лусьевой», будут новые главы и эпизоды: «Люция», «Подвальные барышни», «Женя Мюнхенова» и история ее портрета, «Живорыбный Садок» москвича Бастахова, «Похититель невест», «Ассоциация Феникс» и др.

Такое расширение «Марьи Лусьевой» усугубляет ее недостаток, не раз ставившийся мне в упрек: что по форме романа, ведомого рассказом от первого лица, я грешу против художественной истины, заставляя героиню в два-три часа, максимально которые могли бы посвятить ей ее слушатели, сообщить столько и так подробно, что хватило бы слушать на неделю. Это правда, — приемлю упрек. Но я и раньше заявлял неоднократно, и теперь повторю, что в «Марье Лусьевой» я преследую цели отнюдь не художественной архитектуры, но публицистической иллюстрации одного из наиболее опасных зол современного «культурного общества»: торговли «живым товаром».

Зло это, к великому горю и гибели человечества, не изменяется ходом истории. Сколько наивных надежд возлагалось на социальную революцию! Пришла она, но,

если что переменила в проституционном недуге, то не на лучше, а на в десять раз хуже! Первоначальный очерк «Марьи Лусьевой» был написан 25 лет тому назад. Однако, работая над романом для настоящего издания, я то и дело убеждался в печально прочной зеркальности моих фактов не только для распоясавшейся «подсоветчины», но и вообще для быта больших послевоенных и послереволюционных городов, как рисуют ее их собственная газетная хроника и бытовая литература.

Поэтому я ничуть не смущаюсь удлинением цепи сообщаемых эпизодов. Думаю, что не посетует на то и читатель, получающий новый материал к осведомлению и обсуждению, в форме, надеюсь, легко восприимлемой.

Вообще же, позволю себе повторить то, что заявил при первом издании «Марьи Лусьевой», напоминая, вместе с тем, историю ее происхождения.

«Марья Лусьева» как повесть, вымысел, но в «Марье Лусьевой» нет ни одного, хотя бы самого мелкого, эпизода, который был бы вымышлен. Мысль написать «Марью Лусьеву» дал мне чиновник, изображенный в моем рассказе под именем Mathieu le beau. Он, развивая передо мною в приятельском разговоре свои служебные воспоминания, сообщил мне, между прочим, случай с интеллигентною барышнею в одном из южных наших центров: она, сойдя с ума, воображала себя проституткою и наделала немало хлопот своему семейству и городской администрации, прежде чем удалось изобличить ее в эротическом бреде. Что факт этот возможен и даже не может

назваться единичным, подтвердили мне ростовские газеты, огласившие в зиму 1902 года случай однородного помешательства, но с еще более странным осложнением навязчивой идеи, так как воображал себя женщиною легкого поведения солидный мужчина. Перед некрасовскими праздниками, в декабре 1902 года, по газетам опять прошел рассказ о помешанной девице, которая с надгробным венком в руках пришла в полицейский участок читать «Убогую и нарядную».

Сперва я хотел было сделать из «Марьи Лусьевой» просто психологический этюд, с посильным анализом перечисленных случаев сумасшествия. Но потом, взявшись за работу, я соблазнился расширить тему и направить ее к целям более общественного характера, чем описание сумерек в двух-трех повредившихся умах... Я решил попробовать — сколько могу и знаю — осветить лазейки зла и, отказавшись от мысли писать «Марью Лусьеву» сумасшедшею, сделал из нее одну из невольниц «дома свиданий», которая, взбунтовавшись, была выдана и принята за сумасшедшую.

Так возникла эта «былевая небылица», которую характеризовать я считаю себя вправе словами Сухова-Кобылина в его послесловии к трилогии «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Веселые Расплюевские дни»: «Если бы, за всем этим, мне предложен был вопрос: где же я так-таки такие картины видел?... то я должен сказать, положила руку на сердце: — Нигде... и — везде...»

За 25 лет своего существования «Марья Лусьева» была судима и благосклонно, и злобно, имела своих друзей

и своих врагов. Одни, может быть, слишком лично ставили автору в высокую заслугу прямизну и углубленность обличения без «лживства, лукавства, вежливства», со всеми точками над і. Другие довольно идиотски приписывали ему... «лукавое намерение развратить «Марьей Лусьевой» женщин и детей»!.. Сам же автор ценит в «Марье Лусьевой» то достоинство, как главное, что за 25-летнюю свою службу она ни разу не была опровергнута хотя бы в малой какой своей подробности, доказательно и авторитетно.

В прежних изданиях роман сопровождался рядом статей по вопросу борьбы с проституцией. В большей части своего содержания они устарели, а потому из настоящего издания исключены. Меньшую же часть, фактическую, я перенес, — в пояснение и подтверждение некоторых эпизодов, — в подстрочные примечания. Подстрочными же примечаниями обозначены теперь справки по авторам, сочинениями которых «Марья Лусьева» проверена в бытовой своей части. Список этих сочинений приложен в конце романа.

Александр Амфитеатров
Levanto 1927 VII 17

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕНЕРАЛЬША

I

Дело было в последних девяностых годах прошлого века.

В один из к-ских полицейских участков явилась — «ворвалась, как буря», говорил мне свидетель-очевидец — нарядно одетая молодая девушка, очень красивая и вполне приличного типа, но взволнованная, с одичалыми глазами, со щеками, пылавшими огнем.

— Кто здесь главный? — резко крикнула она.

— Пристава нет сейчас. Я за него, его помощник. Что вам угодно?

Девушка продолжала так же резко и порывисто:

— Меня зовут Марья Ивановна Лусьева. Я из Петербурга, приехала неделю тому назад. Я тайная проститутка и доношу вам на себя, чтобы вы дали мне желтый билет. Вот вам мой паспорт.

Драматический порыв Лусьевой, возбужденный тон ее речи, слишком заметная интеллигентность, общая пристойность всего ее, как говорят немцы, «явления», совсем несогласные с ее показанием, смутили полицейского.

«Дело неспроста», — подумал он и спросил, избегая местоимений:

— Из каких?

— Я же дала вам паспорт, — грубо рванула Лусьева. — Там все прописано.

Подозрения помощника пристава, что дело не просто, увеличились, когда в паспортной книжке он нашел обозначение — «дочь надворного советника», «дворянка», а в графе документов, на основании которых выдан вид, ссылку на аттестат одной из лучших петербургских гимназий.

— Гм... — сказал он. — У вас прекраснейший документ. Как же вы это так? А?

Лусьева молчала, с нервной злобою терзая перчатку на руке. Посмотрел на нее помощник пристава, — не в себе девка.

«Тут что-то мне не по чину разбирать, — решил он про себя; — чем мне самому влетать в эту кашу, пусть расхлебывает ее старшее начальство».

И телефонировал полицеймейстеру, что, мол, так и так, — пришла барышня благородного звания и отменной наружности, взводит на себя вины несоответственные и заявляет требования несвойственные, очень расстроена и даже как будто не в своем уме; ввиду сомнительности случая, как прикажете поступить?

Вышла резолюция: «Отправить предполагаемую больную в приемный покой и вызвать к ней врача, а там видно будет». Лусьева, с истерическим упрямством, продолжала кричать, чтобы ей отдали позорное свидетельство.

— Успеете, успеете, — с досадою сказал ей помощник пристава. — С этою радостью, мадемуазель, расстаться трудно, а заполучить ее — минутное дело.

Врач — глупый, старый, равнодушный формалист, давно уже переставший интересоваться судьбами челове-